

УДК 330.11 DOI: 10.14451/1.228.166

История денег: ложность метода. Часть 2

© 2023 Будович Юлия Ивановна

Профессор Департамента экономической теории, доктор экономических наук, доцент.
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва.
E-mail: JBudovich@fa.ru

© 2023 Будович Маргарита Сергеевна

доцент Департамента экономической теории, кандидат экономических наук. Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва.
E-mail: MSBudovich@fa.ru

Ключевые слова: научная дедукция, демонтаж научного метода, диалектика, системный подход, технико-биологический подход, история вещи, идея прогресса.

В настоящей статье рассматриваются причины популярности древней истории денег, созданной А. Смитом и К. Марксом в интересах банковского капитала и с грубыми нарушениями метода социально-экономического исследования. Это – демонтаж в XX в. традиционного метода экономического исследования (Дж. Ст. Милль, Дж. Э. Кэрнс, Дж. Н. Кейнс, К. Менгер и др.) в связи с внедрением в него диалектики и системного подхода, сделавших незаметными пороки примененного А. Смитом и К. Марксом метода. Это – господство технико-биологического подхода к социальной жизни, которому импонирует трактовка истории денег как истории вещи (собственно денег) и как истории прогресса.

Цель настоящей статьи – показать, почему гипотетическая начальная история древнего товарообмена и денег, созданная А. Смитом и К. Марксом с грубыми нарушениями метода экономического исследования, продолжает и в настоящее время переходить из учебника в учебник по экономической теории и денежному обращению и кредиту и вербовать сторонников из числа исследователей на тему происхождения и развития денег.

В наших работах, (например, Лебедев, 2008-1; Лебедев 2008-2), было показано, что в XX в. имел место демонтаж научного метода экономического исследования, разработанного в основных чертах в трудах Дж. Ст. Милля, Дж. Э. Кэрнса,

Дж. Н. Кейнса – отца Дж. М. Кейнса, К. Менгера и др., и суть этого демонтажа состояла в утрате представления о научных методах индукции и дедукции и переходе к их формально-логической трактовке как инструментальных методов, связанного с этим превращением у нас – диалектики (с начала 1930-х гг.), а на Западе (затем и у нас) – системного подхода (с середины XX в.), выступающих адекватными методами исследования организмов (а системный подход – еще и машин), в главные методы исследования в экономике [11; 13]. В результате возникла современная, «общепринятая» или «общепризнанная» трактовка метода экономического исследования. Она и делает незаметными

для писателей, пишущих на тему истории денег и находящихся под ее влиянием, пороки метода А. Смита и К. Маркса, посредством которого они вывели начальную историю денег (см. статью К. Н. Лебедева «История денег: ложный метод. Часть 1»).

Демонтаж традиционного метода экономического исследования можно назвать «переворотом» в методе, имея в виду, что методы философского (верхнего) и инструментального этажей поменялись местами, т. е. ранее методы философского уровня (подходы и принципы исследования) стали инструментальными методами, тогда как ранее методы инструментального уровня стали философскими. Так, место научной индукции и дедукции на инструментальном этаже заняли формально-логические методы индукции и дедукции, прибывшие именно с философского этажа, где они исполняли роль методов обеспечения непротиворечивости суждений. Обоснованно ожидать, что осколки разгромленной научной дедукции попали на философский этаж. И на самом деле теперь, в частности, главные посылки научной дедукции получают характеристику не в разделе учебника, именуемом «Метод науки», а в разделе, характеризующем особенности экономического мышления, т. е. его подходы и принципы. Так, в популярном переводном западном учебнике экономической теории (Макконнелл; Брю, 2003) рациональное поведение, вместе с такими характеристиками мышления экономистов, как ограниченность ресурсов и выбор, а также маржинальный анализ, находит отражение в параграфе «Экономический подход» [14, с. 4–5], тогда как формально-логические индукция и дедукция вместе с принципами (обобщениями, моделями) как результатом исследования, абстракцией и графическим изображением получают отражение в параграфе «Методология» в части «Экономическая теория» (есть еще часть «Экономическая политика», где приводятся этапы формирования экономической политики) [14, с. 6–9]. Заметим, что последние три метода очевидным образом характеризуют подходы к исследованию, а не способы получения выводов, т. е. тоже находятся на данном этаже метода

незаконно. При этом научная дедукция, став одним из подходов к исследованию (попав на философский этаж), характеризуется именно как один из подходов, т. е. весьма кратко: «Экономика основана на предположении о «рациональном эгоизме»... Рациональное поведение означает, что разные люди будут делать разный выбор, так как их предпочтения, обстоятельства и доступная им информация различны... Рациональные решения могут меняться по мере изменения обстоятельств» [14, с. 4].

Пороки метода А. Смита не видны, прежде всего, потому что с инструментального этажа метода экономического исследования был изъят метод научной дедукции. Знакомство исследователей денег с этим методом, особенно в изложении А. И. Чупрова, приписывающего А. Смитту строгое следование его требованиям именно при выводе истории денег (см. вышеуказанную статью К. Н. Лебедева), могло бы побудить их проверить, действительно ли А. Смит был так безгрешен перед наукой, в связи с чем были бы выявлены соответствующие нарушения, указывающие на неадекватность истории денег, разработанной А. Смитом. А специалисты по методологии науки могли бы установить то же самое, захотев сделать из вывода истории денег Смита пример использования научной дедукции в экономическом исследовании. Для того чтобы экономисты, случайно ознакомившиеся с историей метода политической экономии, содержащей упоминания о каком-то ранее существовавшем методе дедукции, не реконструировали этот метод по трудам разработчиков традиционного метода экономического исследования (см. выше), на инструментальный этаж метода как раз и был помещен формально-логический метод с таким же названием. Вот как характеризуется дедукция в учебнике (Курс экономической теории, 2006): «Дедукция (в применении которой, как известно, был силен Шерлок Холмс) — метод познания, предполагающий умозаключения от общего к частному. Например, общее заключение: военные имеют отличную осанку. Увидев на улице человека даже в гражданской одежде, вы можете по его прекрасной выправке

заклЮчить, что он имеет отношение к армии» [9, с. 32]. Да и кто захочет реконструировать метод с таким названием по старинным трудам, когда он уже стал объектом насмешек (экономисты с его помощью решают такие «важные» для науки проблемы, как выявление в толпе людей замаскировавшихся военных)?

Кстати, и место научной индукции в современном методе науки на его инструментальном этапе удачно занял формально-логический метод индукции – чтобы никто не заподозрил неладное с «новой» дедукцией и не стал делать под нее исторический «подкоп». Вот как трактуется индукция, например, в работе (Симкина, 2008): «Под индукцией понимается выведение принципов из фактов: она идет от фактов к теории, от частного к общему» [26, с. 16]. А вот что такое настоящая индукция как инструментальный метод (в описании Дж. Ст. Милля): «Если случай, в котором исследуемое явление наступает, и случай, в котором оно не наступает, сходны во всех обстоятельствах, кроме одного, встречающегося лишь в первом случае, то это обстоятельство, в котором одним только и разнятся эти два случая, есть следствие, или причина, или необходимая часть причины явления» [18, с. 355].

Важно отметить, что научная дедукция из реального экономического исследования, в отличие от его официального метода, никуда не исчезла, и неизбежно в нем активно применяется, правда, с проблемами, вызываемыми стихийным характером ее применения. О том, что научная дедукция (как и индукция) является реально действующим инструментом экономического исследования, говорит то, что само подсознательное ученых-экономистов восстает против «зачистки» инструментального этапа метода экономического исследования от его научного содержания. Так, неожиданно формально-логическая индукция в цитированном выше учебнике (Курс экономической теории, 2006) иллюстрируется следующим образом: «Индукция – метод познания, базирующийся на умозаклЮчениях от частного к общему. Например, полезность для конкретного потребителя каждо-

го последующего экземпляра приобретаемого им аналогичного блага уменьшается. Отсюда можно прийти к выводу о том, что все потребители данного товара готовы будут продолжать покупать этот товар только при условии снижения цен на него» [9, с. 31–32]. Не сложно понять, что за формальную индукцию выдается как раз дедуктивный вывод, правда, процесс которого скрыт. В частности, не приводятся такие посылки вывода, как экономический принцип, правило максимизации потребительской полезности, согласно которому отношения предельных полезностей всех потребляемых благ к их ценам должны быть одинаковыми.

Это противодействие ложному методу экономического исследования является международным. Об этом говорит, в частности, «двойственная» трактовка индукции и дедукции в цитированном выше переводном западном учебнике (Макконнелл, Брю, 2006): «...При изучении экономического поведения экономисты могут продвигаться как от теории к фактам, так и от фактов к теории... Экономисты могут использовать метод индукции, с помощью которого они собирают, систематизируют и обобщают факты. Напротив, метод дедукции подразумевает выдвижение гипотез, которые затем сопоставляются с фактами... Обобщения экономисты обычно получают методом дедукции. При этом они опираются на случайные наблюдения, озарения, логику или интуицию, на основе которых формулируется предварительный непроверенный принцип, именуемый гипотезой... Чтобы проверить справедливость гипотезы, экономисты подвергают ее систематической многократной проверке на релевантных фактах... Дедукция и индукция представляют собой не взаимоисключающие, а взаимодополняющие исследования. Сформулированные дедуктивным методом гипотезы служат для экономиста ориентирами при сборе и систематизации эмпирических данных. В свою очередь, некоторое представление о фактах, реальном мире является предпосылкой для выработки весьма содержательных гипотез» [14, с. 7]. Мы видим, что последующие уточнения противоречат исходной характеристике индукции

и дедукции, данной в первых двух предложениях. Индукция перестает быть полноценным методом получения обобщений, т. е. лишь часть ее результатов является обобщениями. Дедукция превращается из применения теорий к фактам в применение к фактам гипотез, да еще и не только готовых, а тех, которые в ходе дедукции необходимо вывести (методом кабинетной логики). Именно в духе этих уточнений трактуется индукция и дедукция в традиционном методе науки, в частности из целого ряда вариантов индукции только метод разницы (см. выше) рассматривается как метод получения обобщений (остальные: метод совпадения, косвенный метод разницы, метод остатков, метод сопутствующих изменений – как методы получения эмпирических законов [28, с. 42–44]).

Подсознательное сопротивление ученых-экономистов официальному методу экономического исследования находит выражение и в том, что в состав методов инструментального этажа вводятся методы, носящие черты стихийно используемой учеными научной дедукции. Речь идет, прежде всего, об анализе и синтезе. Согласно работе (Курс экономической теории, 2006), «анализ – это такой метод познания, который предполагает разделение целого на отдельные составные части и изучение каждой из этих частей. Примером может служить изучение закономерностей формирования рыночного спроса путем исследования различных определяющих его факторов – цен, доходов потребителей, их предпочтений и др. / Синтез – это метод познания, основанный на соединении отдельных частей явления, изученных в процессе анализа, в единое целое. Так, рыночный спрос и его динамика могут быть правильно поняты лишь при его рассмотрении как единства входящих в него и определяющих его компонентов – цен, доходов потребителей и др. Анализ и синтез выступают как две взаимосвязанные стороны процесса познания» [9, с. 31]. Уже из первого предложения в описании метода научной дедукции А. И. Чупровым (см. статью К. Н. Лебедева «История денег: ложный метод. Часть 1) видно, что охарактеризованные

выше анализ и синтез являются этапами научной дедукции. Чтобы сильнее убедиться в этом, приведем уточнения, которые были опущены при цитировании А. И. Чупрова в соответствующей статье: «Первая ступень дедуктивного процесса состоит в том, что при помощи индукции или основанного на ней вывода определяется закон каждой из причин, влияющих на отдельные явления. Когда законы простейших причин обнаружены, предстоит вторая ступень дедуктивного процесса: должно определить по законам причин, какое действие произведет данная их совокупность. Это процесс вычисления: нужно вычислить, как видоизменяется каждая из причин при соединенном их действии, когда одни из них подпадают под влияние других...» [28, с. 45].

В советской экономической науке увидеть пороки метода, использованного К. Марксом для вывода его истории форм стоимости, не позволяло изъятие из метода экономического исследования положения об ограниченности механических и организмических аналогий в социальном исследовании, а именно законами организмов выступают законы диалектики, ставшей в ней главным методом (см. выше). Советские исследователи денег уже не имели на вооружении предупреждения К. Менгера. Вот что он писал по вопросу использования физиологических и анатомических аналогий в социальном исследовании в своем знаменитом труде «Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности» (1883): «Метод социальных наук и политической экономии в частности не может быть вообще физиологическим или анатомическим; даже там, где речь идет о социологических проблемах, имеющих некоторое внешнее сходство с проблемами физиологии и анатомии, он (метод) не может быть просто заимствованным из физиологии или анатомии, но непременно лишь социологическим в самом строгом смысле этого слова... Перенесение результатов исследования физиологии и анатомии по аналогии в политическую экономию – такой абсурд, что ни один исследователь-методолог даже не удостоит его серьезным возражени-

ем. / Указанные ложные пути исследования, очевидно, те же, что физиолога или анатома, который вздумал бы законы и методы народно-хозяйственного учения без всякой критики переносить в свою науку, т. е. функции человеческого тела объяснять господствующими теориями народно-хозяйственного учения, например кровотоком – одной из господствующих теорий денежного обращения или товарного обмена, пищеварение – одной из господствующих теорий потребления вещей, нервную систему – учением о телеграфном сообщении, функцию отдельных органов человеческого тела – функцией различных классов народа и т. д.» [16, с. 394–395].

Конечно же, до демонтажа в нашей стране традиционного метода экономического исследования диалектика еще не была уличена науковедами в скрытом органицизме, однако советские ученые, в обязанность которых входило читать, изучать и знать методологические труды Ф. Энгельса, имея перед собой предупреждение К. Менгера, легко догадались бы сами, что представляют собой законы диалектики, как только бы внимательно посмотрели на то, чем их Ф. Энгельс подтверждает. Фактически они повторили бы наш путь, на котором мы пришли к пониманию организмической сущности диалектики. Достаточно задуматься над названием главного философского труда Ф. Энгельса – «Диалектика природы» – и областью знаний, в которой марксистский диалектический метод проявил себя как триумфатор, разумеется, наряду с обществознанием и экономикой, по мнению самой марксистской философии: «Победа мичуринской биологии над вейсманизмом-морганизмом и ее достижения в исследовании законов развития органической жизни являются прямым результатом сознательного применения диалектического метода к биологии» [7, с. 324].

Понятно, что существенным препятствием для советских исследователей истории товарообмена и денег, не позволявшим разглядеть порочность использованных К. Марксом для вывода ее ранней части методов, была сама диалектика,

тракуемая как единственно адекватный метод социального исследования: «Марксистский диалектический метод – единственно научный метод познания, созданный Марксом и Энгельсом и развитый в новых исторических условиях Лениным и Сталиным» [7, с. 320]. В знаменитом советском учебнике политической экономии, а именно в том, где впервые получила систематическое изложение политическая экономия социализма (1954), метод политической экономии фактически сводится к подходам к исследованию, основу которых образует диалектика: «Методом марксистской политической экономии является метод диалектического материализма. Марксистско-ленинская политическая экономия строится на применении основных положений диалектического и исторического материализма к изучению экономического строя общества... Метод Маркса состоит в постепенном восхождении от простейших экономических категорий к более сложным, что соответствует поступательному развитию общества по восходящей линии – от низших ступеней к высшим. При таком порядке исследования категорий политической экономии логическое исследование сочетается с историческим анализом общественного развития» [22, с. 10–11]. Таким образом, логическое в марксизме или установленное на основе диалектики, определяет то историческое, которое в марксизме же рассматривается. Что не соответствует «диалектическому» логическому, следует просто не замечать. Отталкиваться в исследовании от фактов (словами К. Маркса) запрещается: «При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции». Ренальная хозяйственная жизнь при таком исследовании не является ни отправным, ни конечным пунктом исследования, а дает лишь тему для очередного диалектического исследования: «Задача научного исследования состоит в том, чтобы за внешней видимостью хозяйственных явлений при помощи теоретического анализа вскрыть глубинные процессы, основные черты экономики, выражающие сущность данных

производственных отношений» [22, с. 10]. Так как инструментальный этап метода отсутствует, его роль переходит к диалектике, которая из инструмента формирования лишь ориентиров для построения научных гипотез, т. е. предположений, требующих двойной проверки (см. вышеуказанную статью К. Н. Лебедева), превращается в инструмент получения окончательных выводов. Лишь в более поздних изданиях этого сверхпопулярного учебника знаменитая цитата из К. Маркса дополняется замечанием: «Это не исключает необходимости и в экономических исследованиях проведения тех или иных опытов на предприятиях с целью проверки намечаемых мероприятий, например, по организации производства, оплате труда и т. д.» [23, с. 15]. Приведенный выше марксистский метод исследования фактически представляет собой метод средневековой схоластики, с той разницей, что роль догматов церкви теперь играют законы диалектики. Как пишет сама марксистская философия, «...«схоластикой» называется всякое оторванное от жизни, бесплодное умствование, буквоедство, начетничество, оперирование одними общими понятиями и умозаключениями без обращения к фактам и практике» [7, с. 586].

Но ни изъятие из метода экономического исследования научной дедукции, ни изъятие из него положения об ограниченности организмических аналогий как метода исследования и введение в него диалектики как метода получения окончательных знаний, полностью не объясняет не критичного отношения авторов, пишущих на тему истории денег, к начальной истории денег, выведенной А. Смитом и К. Марксом. Об этом говорит то, что А. И. Чупров, специалист по методу научной дедукции, приводивший в качестве примера адекватного использования данного метода процесс вывода А. Смитом истории денег (см. статью К. Н. Лебедева «История денег: ложный метод. Часть 1»), почему-то не удосужился проверить соответствие вывода Смита этому методу, в связи с чем в своем знаменитом учебнике «Политическая экономия» (1892) изложил ту же историю первых денег, которую сочинил А. Смит, в частности ее исходный пункт: «На

низших ступенях хозяйственного развития один товар непосредственно обменивался на другой. Но такого рода обмен заключает в себе много неудобств... Положим, например, что владелец платья хочет обменять его на пшеницу, но владелец последней не имеет надобности в платье... Но это затруднение исчезнет, если будет введен в употребление товар, который обменивался бы на все другие товары» [28, с. 252].

Да и советские ученые-экономисты, уже точно с начала «застоя», прекрасно понимали, что социально-экономическое исследование, осуществляемое посредством марксистской диалектики, представляет собой схоластику. Именно это ощущение во многом обусловило их не критичное отношение к системному подходу Л. Берталанфи, благодаря которому он прочно внедрился в нашу социально-экономическую науку с начала 1970-х гг. Приведем соответствующие воспоминания одного из первых идеологов системного подхода в нашей стране И. В. Блауберга: «Что двигало людьми, стоявшими у истоков системных исследований в нашей стране? Только ли чисто научные и философские интересы? Думается, нет. Наряду с этим они видели здесь и возможность уйти от давящего казенного «диалектического и исторического материализма...» [27, с. 111]. Понимая, что диалектика есть нечто оторванное от реальной жизни, очевидно, уже не доверяя историческому материализму и научному коммунизму, советские ученые, тем не менее, не усомнились в построенной с ее помощью Марксовой древней истории товарообмена и денег. А потом уже сам системный подход не давал в ней усомниться (см. ниже).

Что же еще вызывало и, очевидно, продолжает вызывать слепое доверие к истории раннего товарообмена и денег Смита–Маркса? На наш взгляд, это господство собственно механико-организмической трактовки социальной жизни, которое пришло в социально-экономическую науку в результате демонтажа традиционного метода экономического исследования. Ее признак – вера в технико-биологические аналогии

как источник окончательных выводов. И на самом деле, вот как трактуется соответствующий метод, еще и помещенный на инструментальный этаж метода науки, в работе (Курс экономической теории, 2006): «Аналогия – метод познания, предполагающий перенос свойств с известного явления или процесса на неизвестные. При этом могут использоваться достижения в различных областях знаний. Так, широко применяется сравнение денежного обращения с кровообращением в человеческом организме. Равновесие на рынке условно аналогично равновесию в физическом понимании» [9, с. 32]. Таким образом, аналогия состоит в некритичном приписывании свойств организмов и механизмов социально-экономическим объектам.

В биологической части проводником технико-биологической трактовки социальной жизни стала диалектика, начавшая внедряться в нашу социальную науку с начала 1930-х гг. Это показывает, например, цитата из главы «Метод политической экономии» в учебнике для комвузов и вузов «Политическая экономия» под ред. Б. Д. Кофмана (1932): «В отношении к обществу диалектико-материалистический метод заключается, по формулировке Ленина, в том, что «общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не нечто механически сцепленное и поэтому допускающее всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов)...» [21, с. 626]. Утверждению технико-биологического взгляда на социальную жизнь экономисты обязаны системному подходу, внедрившемуся в экономическую науку с 1950-х гг., часть которого образуют модели различных систем (открытая, саморазвивающаяся и пр.), выступающих наборами свойств машин и организмов, а другую часть – ряд «передовых» методов исследования тех же машин и организмов («без расчленения на части»). В наших работах было показано его влияние, в частности на формирование общепринятых сейчас вариантов наук «менеджмент» и «анализ хозяйственной деятельности» (АХД), продемонстрирована неадекватность их теорий и концепций, разработанных на основе призна-

ков систем, неадекватность методов системного подхода как методов социально-экономического исследования, в частности лживость в экономике методов изучения многофакторных процессов «без расчленения на части», которыми являются навязываемые АХД-методы детерминированного факторного анализа (цепной подстановки, абсолютных разниц, относительных разниц, пропорционального деления, интегральный и т. д.), обоснована обусловленность «застоя» в этих науках именно внедрившимся в сознание ученых системным подходом [10; 12].

Конечно же, приписывание социально-экономическим объектам свойств механизмов и организмов, внешне выглядящее, по словам К. Менгера, как абсурд (см. выше), имело у сторонников технического и биологического подходов к социальной жизни глубокое, а именно «философское» обоснование. Им является механицизм и диалектика. Разумеется, оба учения при их применении в социальном исследовании не сводят экономику и общество к совокупности вещей – технического и биологического происхождения соответственно. Согласно им обоим экономика – совокупность производительных сил и производственных отношений. Однако оба учения настаивают на том, что развитие производительных сил, т.е. вещей, является определяющим в развитии экономики. Если, согласно диалектике, все же производственные отношения оказывают обратное влияние на развитие производительных сил, замедляя или ускоряя его – в зависимости от степени их соответствия производительным силам, то, согласно механицизму, развитие производственных отношений полностью определяется развитием производительных сил. Последнее получило название «Механическая концепция производственных отношений». Данная концепция, приписываемая Н. Бухарину, подвергалась критике в советской экономической литературе 1920-х гг., например (Кузнецов, 1929): «Если производственные отношения сводятся к пространственной расстановке людей, зависящей от расстановки орудий, то нужно заключить следующее. Производственные отношения

лишены своих собственных имманентных им закономерностей и являются лишь пассивным рефлексом производительных сил. Поэтому они приспособляются к производительным силам автоматически, а не в последнем счете» [8]. Таким образом, согласно обоим философским учениям, суть производственных отношений выражают используемые людьми вещи, и, следовательно, история производственных отношений – история вещей. И на самом деле, как пишет К. Маркс в «Нищете философии» (1847), «общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, – они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» [15, с. 133].

Таким образом, обоснованно предположить, что начальная история денег Смита–Маркса в условиях господства технико–биологического взгляда на социальную вызывает доверие у экономистов потому, что она является историей вещи, т. е. предмета, обладающего набором технических свойств, подобного Марксовой мельнице. Развитие денег определяет развитие денежных отношений, во всяком случае в итоге (согласно диалектике), в связи с чем влияние денежных отношений на развитие денег изучать необязательно – улучшение денег автоматически означает улучшение денежных отношений. И как история вещи, история развития таких ее свойств, как портативность, делимость, однородность, сохранность и т. д., история денег выглядит весьма логичной, как раз потому, что не принимает в расчет изменений отношений людей при изменении денег, влияющих на изменение последних. Так, обоснованным с точки зрения требования делимости денежного товара кажется выведенный А. Смитом переход от ранних товарных денег к металлам, с соответствующей стороны облегчающий денежные отношения. Но при этом не учитываются такие возникающие

в результате этого перехода отягчения денежных отношений, как рубка металла, взвешивание его кусков, определение их пробы, обратная переплавка разнородных кусков металла, «заработанных» на рынке, в слитки и выдвигание из них проволоки, колец и т. п., удобных для рубки (см. статью К. Н. Лебедева «История денег: ложный метод. Часть 1»). Техничко–биологический подход к деньгам не побуждает задуматься над тем, что будет делать с корзиной разнокачественных обручков проволоки и колец владелец овощной палатки на базарной площади после окончания торгового дня.

Как мы видим, господство технико–экономического взгляда обуславливает доверие к начальной истории денег Смита–Маркса не только потому, что этому взгляду импонирует ее изложение как истории вещи, но и потому, что при этом взгляде она представляется логически стройной, поскольку он не учитывает негативных изменений в денежных отношениях, влияющих на введение соответствующих форм денег.

Рассмотрим вторую причину, благодаря которой начальная история денег Смита–Маркса в условиях господства технико–биологического взгляда на социальную вызывает доверие у экономистов. Для технико–биологического (механико–организмического) взгляда на социальную жизнь также характерно представление процесса исторического развития как прогресса, а не как взаимосменяющихся прогресса и регресса, одновременного прогресса и регресса, что свойственно адекватному взгляду на социальную жизнь. Об этом лучше всего говорит то, что представление о развитии как о прогрессе приписывается современной философией самим А. Смигу и К. Марксу и выводится у первого как результат его механистического взгляда на социальную жизнь, а у второго – как организмического.

История денег А. Смита, представленная в «Богатстве народов» (1776), была сформирована в начальный период абсолютного господства в светском обществоведении идеи прогресса.

Как отмечается в работе (Бенуа, 2021), исторически идея прогресса (развития как улучшения, которое нельзя остановить и обратить вспять), эта, как ее часто называют, «подлинная религия западной цивилизации», была сформулирована в ходе спора «ревнителей древности» и «современников», в котором принимали участие Террассон, Перро, аббат де Сен-Пьер и Фонтенель, приблизительно в 1680 г., и уточнялась по инициативе следующего поколения, которое образовывали Тюрго, Кондорсе и Луи-Себастьян Мерсье, уже обладающую всеми своими составляющими теорию прогресса Тюрго в 1750 г. выразил в формуле: «Вся совокупность рода человеческого постоянно идет ко все большему совершенству» [1]. Как написано об А. Смита и его «Богатстве народов» в работе (Нисбет, 2007), «книга насыщена такими фразами, как «прогресс институтов» и «прогресс изобилия», и простой подсчет употребления слова «прогресс» даст довольно большое число. Смит был восхищен той разновидностью истории, которая в его век называлась по-разному: «гипотетическая», «естественная», «предположительная» или «умозрительная», т. е. тем видом исторического повествования, который имеет целью не пересказ действительного, конкретного опыта определенного народа или государства, событие за событием и личность за личностью, но той разновидностью истории, которая через комбинацию исторических, этнографических и физиологических средств пытается показать реальную историю человека на протяжении веков» [19, с. 294].

Идея общественного прогресса в начальный период ее господства была главным образом механистической аналогией, а именно моделью развития техники, которое было бурным и казалось очевидно прогрессивным. Эта модель переносилась на развитие науки, а затем – и на развитие общества в целом: «Бурное развитие науки и техники вкупе с открытием Нового Света породили иллюзию существования бесконечного поля для улучшения жизни... Космос (представление об устройстве мира – примеч. авт.) древних уступает место современному кос-

мосу – гомогенному, геометрическому и (быть может) бесконечному, управляемому причинно-следственными связями. Модель, наиболее близкая этой механистической модели – это модель часов» [1].

Марксистский вариант истории денег также формировался в условиях господства идеи социального прогресса, но уже по большей части как не механистической, а биологической аналогии, а именно модели прогрессивной эволюции. Как отмечается в работе (Бенуа, 2021), «понятие прогресса было переформулировано в свете дарвиновского эволюционизма... Механицизм Просвещения теперь стал сочетаться с биологическим органицизмом, в то время как апология пацифизма уступила место воспеванию «борьбы за жизнь». Прогресс теперь становится селекцией наиболее «способных» («лучших») в перспективе конкуренции» [1]. Науковедение, как и в отношении А. Смита, говорит о проникнутости творчества К. Маркса духом социального прогресса. Как отмечается в работе (Нисбет, 2007), «ни у одной фигуры этого века (XIX в. – примеч. авт.) перспектива неизбежного, необратимого и поэтапного прогресса к золотому веку на Земле не выражена более очевидным образом, чем в ключевых работах Маркса» [19, с. 392]. К. Маркс и не скрывал биологического происхождения своей идеи прогрессивной общественной эволюции. Как отмечается в работе (Бергман, 2001), основными идеями К. Маркс был обязан Ч. Дарвину, книгу которого «Происхождение видов» основоположник марксизма прочел через год после ее публикации в 1859 г. и писал о ней следующее: «Книга Дарвина очень важна; она служит основой моей идеи естественного отбора в классовой борьбе на протяжении истории...» [2]. Для целей К. Маркса (и марксизма), прежде всего, для дополнительного обоснования и уточнения теории социально-экономического развития, согласно которой социализм как более эффективное устройство общества должен сменить капитализм, первоначально выведенной на основе диалектики, в учении Ч. Дарвина представляла интерес именно прогрессивная трактовка эволюции: «Организмам

свойственны изменчивость и наследственность. Те изменения, которые оказываются полезными животному или растению в его борьбе за существование, закрепляются... Для доказательства законов естественного отбора Дарвин сравнил этот отбор с искусственным отбором, который производится человеком в сельском хозяйстве. Человек отбирает растения и животных по признаку полезности» [7, с. 119].

Таким образом, механико-организмическому взгляду на социальную жизнь соответствует представление о развитии как о прогрессе. Но история денег Смита–Маркса как раз и является историей прогрессивного развития соответствующей вещи, когда каждая последующая форма денег (исходя из перечня требований к деньгам – см. выше) является более эффективной, чем предыдущая (а первая – чем бартер).

Таким образом, история денег Смита–Маркса в условиях господства технико-биологического взгляда на социально-экономическую жизнь вызывает доверие у экономистов потому, что она является историей вещи (денег, а не денежных отношений) и историей прогресса.

Следует отметить, что технико-биологический взгляд на социальную жизнь продолжает влиять на исследователей истории денег в условиях, когда марксистская теория социально-экономического развития, основанная на соответствующей этому взгляду идее прогресса, давно, скандально и на весь мир обанкротилась – оставшийся после появления социализма капитализм не стал превращаться в социализм, а возникший социализм, вопреки данной теории, трансформировался не в коммунизм, а обратно в капитализм. Более того, в социальной философии, с которой экономическое исследование вообще-то должно согласовывать свой метод на его философском этаже, прогресс уже давно не рассматривается как исключительная форма развития, а эволюция – как синоним прогресса. Эволюция трактуется как процесс качественного изменения устройства чего-то в сторону большего приспособления к условиям окружающего мира с целью обеспечения лучшей вы-

живаемости и конкурентоспособности, а прогресс – как процесс качественного изменения в сторону повышения сложности устройства, организации, расширения функциональности или приобретения новых функций. При этом эволюция иногда связана с отказом от определенных элементов, их упрощением (регрессом) или сопровождается одновременно прогрессивными и регрессивными изменениями [24]. Как отмечается (Нисбет, 2007), идея прогресса достигла зенита до 1900 г. [19, с. 269]. В (Бенуа, 2021) рассматривается процесс ее краха: «Тоталитарные режимы XX века и две мировые войны подорвали оптимизм двух предшествующих веков... Идея прогресса дала серьезную трещину... В «обществе риска» (Ульрих Бек) прогресс проявляет себя амбивалентно. Уже признается, что за те преимущества, которые он дает, приходится платить дорогой ценой. Дикая урбанизация породила многие социальные патологии, а промышленная модернизация вызвала беспрецедентную деградацию естественной жизни. Массивное разрушение окружающей среды дало начало многочисленным экологическим движениям. Они были первыми, кто усомнился в однозначности прогресса... Само знание... воспринимается как источник угроз. Все более и более широкие слои населения понимают, что оно не является синонимом лучшего» [1]. Таким образом, в социальной философии утвердилась идея социального развития как одновременно прогрессивных и регрессивных изменений.

Более того, прогресс сейчас не рассматривается как исключительная форма развития и в самой биологии, в частности культивируется идея тех же одновременно прогрессивных и регрессивных изменений. Так, морские млекопитающие (киты, тюлени) приспособились жить в воде: приобрели обтекаемое тело, научились подолгу не дышать, выдерживать низкую температуру (прогресс), но при этом утратили полноценные конечности для ходьбы и стали уязвимыми на суше (регресс). Прогресс сейчас не считается однозначной моделью развития и техники. Развитие (теперь часто также называемое эволюцией) техники изобилует примерами эволюции,

связанной с одновременным прогрессом и регрессом, например, повышение уровня пассивной безопасности автомобилей было связано с обеспечением лучшей выживаемости и сохранности людей в ДТП (прогресс) и одновременно – со снижением жесткости автомобилей, удорожанием и усложнением ремонта и некоторым снижением уровня комфорта (регресс) [24]. Таким образом, технико-биологический взгляд на социальную жизнь, которому свойственно доверие истории денег Смита–Маркса, устарел даже как модель самого технико-биологического развития.

К сожалению, и собственно социальный взгляд на социальную жизнь бывает не свободен от идеи прогресса, что, очевидно, было распространено до начала XX в. (см. выше). Вероятно, под ее влиянием находился такой разработчик традиционного метода экономического исследования, борец с органицизмом в социальной науке, как К. Менгер. В своих «Основаниях политической экономии» (1871) он воспроизвел ту же начальную историю денег Смита–Маркса, в частности то же ее начало: «Земледелец... владеет лошадью, которую он охотно бы поменял на некоторое число земледельческих орудий и предметов одежды. Однако маловероятно, чтобы он нашел другое лицо, которое, нуждаясь в его лошади, в то же время было бы в состоянии и желало предложить ему в обмен за его лошадь все требуемые им орудия и предметы одежды... Экономический интерес... приводит... к тому, что индивиды отдают свои товары в обмен на другие, обладающие большей способностью к сбыту, несмотря на то, что для непосредственных целей потребления они в них не нуждаются» [17, с. 218–219]. Под влиянием идеи прогресса находился и такой специалист по методу научной дедукции в экономике, как А. И. Чупров, также некритично отнесшийся к истории денег Смита–Маркса (см. выше).

Заметим, что представление истории денег как истории вещи в условиях господства технико-биологического взгляда на социальную жизнь вызывает особое доверие к фактам, посред-

ством которых она подтверждается, а именно к историческим фактам, касающимся товарообмена в древние времена. Современные авторы на тему истории денег нисколько не сомневаются в правдивости древней фактологической истории денег, а точнее истории древнего мира, например, истории Древней Греции, из которой взяты или берутся факты товарообмена для подтверждения гипотетической истории ранних денег, созданной А. Смитом и К. Марксом. Так, работа (Буторина, 2016) просто зиждется на вере в подлинность «денежных» фактов, взятых из произведений Аристотеля и Гомера [3].

Причина в том, что история вещей, например, история автомобиля, эволюции какого-то растения, является отражением реальных фактов, хотя и допускающих разную интерпретацию в чьих-то интересах, и в худшем случае факты скрываются. Трактовка фактов истории вещей как реальных переносится и на факты истории денег. Между тем, вскрывается все больше данных, указывающих на искусственный характер древней истории человечества, например, той же Древней Греции, когда с определенными политическими, идеологическими и даже культурными целями история древности сочинялась средневековыми и более поздними авторами и выдавалась за художественные и исторические произведения древних писателей. Современные исследователи считают, что греческая мифология была сформирована с конца XVII до конца XVIII в. в целях обоснования отторжения от Османской империи земли «Гроации» или «Греации», обозначенной на старых картах. В пользу этой версии говорит и история основания Афин – столицы Греции. Как выясняется, ее начали строить только в 1834 г. в месте, где среди крестьянских виноградников находились кучи белых камней, определенном королем Баварии Оттоном II, ставшим королем Греции [4]. Важно отметить, что такая история древности продолжает сочиняться и сейчас, например, история древней Украины и древней Беларуси. В таких условиях факты товарного обмена, отраженные в соответствующих произведениях, могут рассматриваться в лучшем случае как применение

к истории практики того товарообмена, которая существовала в период написания данных трудов. Так их и оценивают некоторые современные исследователи истории денег, например, (Кеслер) применяется 1800-летний сдвиг, исходя из которого статер из электрума времен царя Лидии Гигеса (687–654 гг. до н.э.) был отчеканен в 1113–1146 гг. н.э. и был византийской монетой [5]. Однако в условиях борьбы экономических «денежных» интересов древняя история денег могла выступать и результатом целенаправленной фальсификации, что еще более снижает ее фактологическую ценность.

Рассыпается история древности, сформированная для косвенного подтверждения начальной истории денег, в частности для подтверждения существования развернутой формы стоимости в марксистском варианте истории денег. Она считается следствием отделения скотоводства от земледелия, при котором ремесла (промышленное производство) остались у земледельцев, в связи с чем скот скотоводов стал обмениваться на целую линейку продуктов земледельцев: «В результате первого крупного общественного разделения труда скот уже не случайно, а систематически начал обмениваться на другие товары. Остальные же товары (зерно, топоры и пр.) стали выступать в качестве эквивалентов по отношению к скоту, а скот преимущественно оказывался в относительной форме стоимости... Обмен теперь принимает следующий вид: 1 овца = 4 мешкам зерна, или 1 топору, или = и т. д.» [25, с. 65]. Однако представление о том, что древние скотоводы не занимались промышленным производством, в частности производством металлов и изделий из них (топоров, ножей, наконечников стрел и т. д.), опровергает современная история и археология. Как выясняется, древние кочевые племена занимались производством железа и изделий из него. Так, на территории Монголии, традиционно населявшейся кочевниками, не так давно были обнаружены 4 места выплавки железа, в сумме насчитывающие 18 металлургических печей, которые датируются от I века до н.э. до III–IV веков н.э., т. е. от хунну до конца периода сяньби, и такие же печи, относящиеся

к тому же периоду времени, были обнаружены в Тыве и Хакасии. Это стало подтверждением ранее полученного историками вывода о том, что кочевники производили железо в рамках годового цикла перекочевок, регулярно возвращаясь к рудникам и металлургическим печам и посвящая работе с металлами от недели до нескольких месяцев, что было представлено в экономическом быте кочевников Сибири до XIX в. Более того, в Монголии были найдены следы микрометаллургии, т. е. использования для выплавки железа печей объемом в несколько литров, с расходом топлива в несколько килограмм и временем плавки около часа, датированных приблизительно III веком до н.э., которые могут использоваться одним человеком и производить металл в количестве, достаточном для изготовления наконечников стрел или ножа [20]. Ремесла у кочевых племен в целом занимали значительное место в хозяйстве и находились на высоком уровне развития, о чем говорят исследования хозяйственного быта средневековых казахов. Женщины занимались катанием войлока, обработкой шкур, выделкой кож, шитьем кожаных изделий и т. п., мужчины производили вооружение, сбрую, седла, арбы, строили дома, шили сапоги и т. д. По свидетельствам очевидцев, в XVI в. казахи производили разноцветные войлоки с необыкновенными узорами и красивые нарезные ремни, их кафтаны из овечьей кожи, окрашиваемые в разные цвета, были настолько красивы, что продавались в Бухаре по цене кафтанов из атласа. Более того, исследования быта средневековых казахов показали, что кочевники были не чужды и земледелию, в частности выращивали просо, продуктами которого питались в дороге, реже – пшеницу и ячмень [6]. Все это говорит об искусственности развернутой формы стоимости, которая была нужна К. Марксу лишь в качестве антитезиса для вывода стадии товарных денег.

Как мы показали выше, в учебнике (Курс экономической теории, 2006) на инструментальном этапе метода, с одной стороны, не представлена научная дедукция, а с другой – представлена аналогия с машинами и организмами как метод

получения окончательного знания, свидетельствующий о технико-биологическом подходе к социальной жизни. И можно не сомневаться, что в этой работе приводится начальная история денег Смита–Маркса: «Деньги... возникли на определенном этапе хозяйственной жизни общества, и их появление стало огромным шагом вперед по преодолению узости бартерного

обмена. / В процессе исторического развития формы денег претерпели серьезную эволюцию. Первоначально в качестве денег обращались товарные деньги... (например, раковины, какао-бобы, пушнина, ювелирные украшения и, наконец, золото и серебро). Позднее в обращении появились символические деньги...» [9, с. 438].

Библиографический список

1. Бенуа де А. Краткая история идеи прогресса / Институт Царьграда. – 2021. – URL: <https://katehon.com/ru/article/kratkaya-istoriya-idei-progressa> (дата обр. 11.09.2023).
2. Бергман Дж. Дарвинизм как основа коммунизма / creationism.org. – URL: <https://creationism.org/crimea/text/116.htm> (дата обр. 11.09.2023).
3. Буторина О. В. О происхождении монет // Современная Европа. – 2016. – Вып. 3. – С. 124–135. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32016131142>.
4. Кадыкчанский А. До 1821 года никакой Греции не существовало / Дзен. – 2022. – URL: <https://dzen.ru/a/YyMzqDrrbXqfinth> (дата обр. 24.09.2023).
5. Кеслер Я. А. Ордынский дефолт / ВикиЧтение. – URL: <https://history.wikireading.ru/317513> (дата обр. 02.09.2023).
6. Кляшторный С. Г. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени / ВикиЧтение. – URL: <https://history.wikireading.ru/226828> (дата обр. 14.07.2023).
7. Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя, П. Юдина. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. – 704 с.
8. Кузнецов Б. Механистическая концепция политической экономии // Под знаменем марксизма. – 1929. – № 10/11. – С. 107–123. – URL: <https://zaryu.xuz/Теоретическая%20экономика/Кузнецов%20Б.%20-%20Механистическая%20концепция%20политической%20экономии> (дата обр. 17.11.2023).
9. Курс экономической теории: Учебник / под ред. М. Н. Чепурина, Е. А. Киселевой. – Киров: АСА, 2006. – 832 с.
10. Лебедев К. Н. Проблемы и перспективы науки «Экономический анализ». – МАКС Пресс, 2013. – 600 с.
11. Лебедев К. Н. Системный подход – методология изучения организмов и машин // Экономические науки. – 2008. – 6 (43). – С. 228–231.
12. Лебедев К. Н. Системный подход и методология менеджмента. – М.: Красная звезда, 2008. – 840 с.
13. Лебедев К. Н. Специфика методологии экономического исследования: традиция и современность // Экономические науки. – 2008. – 7 (44). – С. 74–77.
14. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы, политика: пер. с англ. – М.: Инфра-М, 2003. – 972 с.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Том 4. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 616 с.
16. Менгер К. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005. – 496 с.
17. Менгер К., Бем-Баверк Е., Визер Ф. Австрийская школа в политической экономии. – М.: Экономика, 1992. – 494 с.
18. Милль Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. – М.: Издание Г. А. Лемана, 1914. – 880 с.
19. Нисбет Р. Прогресс: история идеи: пер. с англ. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 557 с.
20. Откуда у кочевников железо? Монголия, от хунну до монголов: пер. Дзен. – 2022. – URL: <https://dzen.ru/media/kopist/otkuda-u-kochevnikov-jelezo-mongoliia-ot-hunnu-do-mongolov-6352b2289ea4d5519f659376> (дата обр. 14.07.2023).
21. Политическая экономия: Учебник / под ред. Б. Д. Кофмана. – Ленинград: Партиздат, 1932. – 712 с.
22. Политическая экономия: Учебник / К. В. Островитянов [и др.]. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. – 640 с.
23. Политическая экономия: Учебник / К. В. Островитянов [и др.]. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. – 703 с.
24. Почему эволюция и прогресс – не синонимы / Дзен. – 2019. – URL: <https://dzen.ru/a/XIjKzvg2vgC0-9nC> (дата обр. 07.09.2023).
25. Румянцев А. М., Козлов Г. А., Милейковский А. Г. Политическая экономия: Учебник. Т. 1. Капиталистический способ производства. – М.: Политиздат, 1982. – 558 с.
26. Симкина Л. Г. Экономическая теория. – М.: Питер, 2008. – 384 с.
27. Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1989–1990 гг. – М.: Наука, 1991. – 268 с.
28. Чупров А. И. Курс политической экономии. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1918. – 356 с.

УДК 330.11 DOI: 10.14451/1.228.179

История денег на службе у банковского капитала

© 2023 Будович Юлия Ивановна

Профессор Департамента экономической теории, доктор экономических наук, доцент.
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва.

E-mail: JBudovich@fa.ru

© 2023 Будович Маргарита Сергеевна

доцент Департамента экономической теории, кандидат экономических наук. Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва.

E-mail: MSBudovich@fa.ru

Ключевые слова: банковские деньги, небанковские деньги, сокрытие сущности банковских денег, лженаучное обоснование, сокрытие и игнорирование фактов, сокрытие пороков банковских денег.

В настоящей статье показано, что целью традиционной истории денег, этой целенаправленной фальсификации их подлинной истории, является обоснование совершенства и вечности современных банковских денег и современной банковской системы и, следовательно, вечности капиталистической эксплуатации трудящихся в такой фазе воспроизводства, как обмен. Показано, что, несмотря на ненаучность, отсутствие поддержки широкой массы ученых и фактическое банкротство, традиционная история денег будет культивироваться, пока жива двухуровневая банковская система. В статье рассматриваются лженаучные приемы, посредством которых в традиционной истории денег доказывается совершенство банковских денег, исключаются сомнения в том, что банковские деньги являются единственными деньгами, удобными для общества.

Судьба традиционной истории денег (ТИД), в создании которой сыграл существенную роль марксизм, чем-то напоминает судьбу самого марксизма. Учение, созданное с грубыми нарушениями метода научного исследования и не имеющее поддержки в широкой научной среде (см. статью К. Н. Лебедева «История денег: ложный метод. Часть 1»), опирающееся на пережитки прошлого в сознании ученых (см. статью Ю. И. Будович «История денег: ложный метод. Часть 2»), давно обанкротившееся, если судить по тому, в какую сторону крутится колесо истории

(см. статью Ю. И. Будович «Закабаление и освобождение денег»), оно, тем не менее, продолжает жить и по той причине, что верно служит капитализму. Служба ТИД капитализму, а точнее – банковскому капиталу, состоит в том, что она внедряет в сознание людей миф о совершенстве и вечности банковских денег, в настоящее время – денег, неразменных на звонкую монету, что должно обеспечить вечность эксплуатации товаропроизводителей банками, а если зреть в корень – трудящихся капиталистами, в сфере обращения. Согласно ТИД, этому «истмату» и од-